

СТЕНЛИ ЛЕЙН-ПУЛ

Саладин

ВСЕМОГУЩИЙ СУЛТАН
И ПОБЕДИТЕЛЬ КРЕСТОНОСЦЕВ

Стенли Лейн-Пул

**Саладин. Всемогуций султан
и победитель крестоносцев**

«Центрполиграф»

1903

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

Лейн-Пул С.

Саладин. Всемогуший султан и победитель крестоносцев /
С. Лейн-Пул — «Центрполиграф», 1903

ISBN 978-5-227-09164-2

Британский востоковед Стенли Лейн-Пул в своем труде о Саладине (Салах ад-Дине ибн Айюба, 1138–1193) дает описание жизненного пути одного из самых легендарных личностей ислама, вызывавшего восхищение как на Востоке, так и на Западе. Непокколебимая преданность исламу вдохновила Саладина пронести знамя веры по всей своей империи, простиравшейся от Аравии до Северной Африки. После захвата сирийских твердынь, Дамаска и Алеппо, Саладин отправился на завоевание Иерусалима, что послужило причиной Третьего крестового похода. Именно в этом городе он снискал славу рыцарственного и справедливого воина... Удивительные военные победы Саладина, его дипломатические успехи в переговорах с Западом, его страстный национализм и передовая судебная система оказывали влияние на правителей арабских стран на протяжении веков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-227-09164-2

© Лейн-Пул С., 1903
© Центрполиграф, 1903

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Стенли Лейн-Пул

Саладин. Всемогущий султан и победитель крестоносцев

Предисловие

Саладин (Салах ад-Дин, 1138–1193, султан с 1175) – один из немногих правителей мира Востока, которого нет необходимости представлять любителям английской классики. Этим знакомством мы во многом обязаны Вальтеру Скотту, который проникновенно и с большой симпатией описал эту гениальную личность. Саладину также повезло и в том, что он привлек к себе внимание не только великого романиста; его также высоко ценил король Ричард I Львиное Сердце, благодаря чему он стал известен в истории не только под основным арабским именем аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дунийа Юсуф ибн Айюб. Многим он стал близок и знаком под кратким прозвищем Саладин. Образ его, это правда, во многом романтичен и загадочен. В своем романе «Талисман» Скотт рисует портрет знатного султана и одновременно благородного рыцаря, который вызывал восхищение у крестоносцев. Но читатель остается в полном неведении относительно биографии и подвигов героя, и не все то, что говорится о нем на страницах романа, является в полной мере подлинным. Надеемся, что настоящее жизнеописание, которое держит в руках читатель, будет и наиболее полным, основанным на современных ему источниках.

Биографический материал, которым владеют ученые Востока, обширный и исчерпывающий. Нам не следует надеяться, что сохранилось описание каких-либо личных черт, которые так привлекают журналистов: во времена Саладина не было иллюстрированных газет. Но об основных фактах его жизни и чертах характера мы имеем надежные свидетельства, достаточно содержательные и достоверные. Мы привлекаем материал двух основных арабских хроник, авторы которых имели прекрасные возможности выяснить все факты и установить истину, они были мужами учеными и знатными.

Один из них – Баха ад-Дин (Бахауддин ибн Шаддад), который был всего на семь лет моложе Саладина, хотя и пережил его на сорок лет, был арабом из известного племени асад, родился в 1145 г. в Мосуле, что стоит на реке Тигр. Он долго и старательно учился, как и все мусульмане того времени, прежде чем он получил должность кади (судьи). В известном медресе Низамийя в Багдаде, которое основал великий визирь Низам аль-Мульк и где его другом был астроном и поэт Омар Хайям, Баха ад-Дин посещал лекции самых известных преподавателей. Подобно европейским средневековым ученым, они переходили из университета в университет, из испанской Кордовы в среднеазиатский Самарканд, везде преподавали и учили. Он сам стал учителем в своем родном городе Мосуле, и его мудрость и рассудительность обратили на себя внимание атабека Месопотамии, так что он неоднократно поручал ему роль посла в тяжелых политических обстоятельствах.

Баха ад-Дин находился в Мосуле, когда Саладин дважды осаждал его в 1182 и 1185 гг.; он отправился в составе посольства в Дамаск в 1184 г., когда Саладин был настолько впечатлен его способностями, что предложил ему место судьи, от которого посол отказался. Но они снова встретились в Харране весной 1186 г., когда Баха ад-Дин участвовал в подготовке мирного договора между своим сувереном и Саладином.

После совершения хаджа в Мекку и Иерусалим, только что отвоеванный у христиан, он вновь был принят султаном, и с тех пор редко оставлял его. Поступив к нему на службу 28 июня 1188 г., он становится участником всех его последующих кампаний. Баха ад-Дин был сви-

детелем осады Акры; сопровождал султана, когда тот преследовал Ричарда Львиное Сердце, отправившегося со своим войском в поход вдоль морского побережья; принял заметное участие в сражении за Яффу в 1192 г. Он находился рядом с Саладином во время его смертельной болезни.

После кончины султана он занял высокий пост судьи в Алеппо, где также основывал училища, отдавая все свои силы и личные сбережения для подготовки специалистов в области законодательства.

Один из его учеников оставил трогательное описание почитаемого всеми кади, 85-летнего старика, который был в таком возрасте, когда отапливаемая спальня и густые меха уже не могли согреть остывавшую кровь. Однако престарелый учитель все еще продолжал собирать у себя своих учеников после пятничной молитвы. Сам он уже не мог больше посещать мечеть; продолжая исполнять религиозные обряды дома, он едва держался на ногах. «Он падал от слабости, уподобившись неоперенному птенцу», как говорит его биограф.

В 1234 г. он умер, оставив нам исторический труд «Жизнь Саладина».

В описании первых пяти лет правления Саладина ближайшему другу и советнику султана Баха ад-Дину нет равных. Хотя начальные этапы жизненного пути султана отражены автором с меньшей скрупулезностью и точностью, но и в этой части его труда он описал несколько важных событий, получив сведения о них из первых рук. Видимо, благодаря тесному общению с Саладином, его военачальниками и близкими родственниками он был хорошо информирован о происходящем.

Следует признать, что пишет он, как общепризнанный панегирист, убежденный, что истинный правитель никогда и никому не может причинить зла. Он настолько искренен и бесхитростен в своем повествовании, и явно писал так, как он сам видел и чувствовал, что на биографию не повлияли представления автора об идеальном герое. Жизнеописание, безусловно, несет на себе печать правдивости. Легко прочитывается также личная непредвзятость Баха ад-Дина и характерная для восточных авторов некая гиперболичность изображаемых событий и лиц. Особенно важна достоверность сведений, сообщаемых Баха ад-Дином, который присутствовал при переговорах между королем Ричардом I и Саладином. Для нас он единственный свидетель этого события.

Если Баха ад-Дин воспевал культ преклонения перед героями, то у другого, не менее известного автора отношение к этому более сдержанное и уже нет этого необъяснимого восторга. Ибн аль-Асир имел все причины открыто осуждать человека, узурпировавшего права местных властителей; в его заметках содержится критика образа правления Саладина, и он выдвигает несколько серьезных обвинений.

Ибн аль-Асир, который был курдом из племени шейбан и на пятнадцать лет моложе Баха ад-Дина, родился в 1160 г. в городе Джезират-ибн-Омар, на реке Тигр. Вали, или наместником, был в этом городе его отец. Историк провел большую часть своей жизни, посвятив себя науке, в Мосуле, где его брат был известным советником правителя (атабека) Месопотамии. Второй брат занимал пост в канцелярии Саладина.

Ибн аль-Асир, так же как и Баха ад-Дин, стал очевидцем в 1185 г. осады Мосула Саладином, и потом он сопровождал войско, отправленное правителями Месопотамии в поход на соединение с войском султана во время военной кампании 1188 г. в Северной Сирии. Ибн аль-Асир был также путешественником, и во время посещения Дамаска, Иерусалима и Алеппо он мог лично удостовериться в верности имевшихся у него сведений об этих местах.

Его «История атабеков Мосула», завершенная в 1211 г., также является панегириком, как и биография Саладина, написанная Баха ад-Дином, но это панегирик врагам Саладина. Автор труда так и не простил султану, что он покончил с властью атабеков в Сирии, и великий правитель Мосула стал его простым вассалом. Все, что могло служить принижению образа Саладина – в этом мы можем быть уверены, – не могло пройти мимо внимания Ибн аль-Асира.

Все же, несмотря на пристрастное отношение к бывшим сеньорам и благодетелям его семьи, он способен на справедливые оценки. Он признает большие заслуги Саладина перед исламом, и для его последнего труда «Полный свод всеобщей истории», который появился за три года до его смерти в 1233 г., характерно более непредвзятое отношение в отличие от его апологии атабеков Мосула.

Работы этих двух историков дают нам наиболее полную информацию о жизни Саладина. Но имеются и другие авторы, отразившие ту или иную сторону деятельности султана. Среди них Имадуддин аль-Исфахани (родом из Исфахана), арабский писатель и историк, известный под прозвищем аль-Катиб («секретарь»). Он занимал важную должность советника и секретаря Саладина в сирийских провинциях. К сожалению, была опубликована лишь малая часть его трудов. Он сопровождал султана при осаде Акры, и его записки, несмотря на трудно воспринимаемый сухой риторический стиль изложения, важны как свидетельство очевидца.

Усама ибн Мункыз, арабский писатель и полководец, родившийся в крепости Шейзар на Оронте, написал «Книгу назидания», автобиографическую хронику, в которой представил живую картину большинства событий эпохи крестовых походов начиная с 1095 г. и вплоть до своей смерти в 1188 г. Однако, несмотря на то что он прожил несколько лет в Дамаске, лишь в преклонном возрасте он начал часто общаться с Саладином. Воспоминания престарелого араба оставляют после их прочтения чувство разочарования: он был слишком погружен в себя, чтобы помнить о высказываниях и поступках окружавших его людей.

Ибн Халликан, известный арабский биограф многих знатных лиц своего времени, и Абу Шама аль-Макдиси, автор «Книги двух садов в известиях двух династий», хотя и не были современниками Саладина, но оба знали о нем со слов людей, которые общались с ним. Их труды в какой-то степени являются дополнением к скудным сведениям о той эпохе.

Среди хронистов-христиан решительно выделяется несравненный архиепископ Гийом Тирский, который жил в Палестине. Его «История деяний в заморских землях» превосходит по охвату и полноте отражения событий все латинские и арабские хроники того времени, она рассказывает об истории Востока с 1144 по 1183 г. на основе личных впечатлений автора. После кончины столь масштабной личности уже не осталось никого, кто мог бы сравниться с архиепископом, и остается только сожалеть, что он не смог довести повествование до завершения Третьего крестового похода. Гийом Тирский скончался за десять лет до этого. Это было большой потерей не только для биографов Саладина и ученых исследователей. Различные продолжатели труда Гийома Тирского не могут сравниться с ним, великим историком, но ценность их хроник не стоит недооценивать.

Примером может служить «Хроника Эрнуля», являющаяся важным свидетельством современника. Эрнуль был оруженосцем Балиана д'Ибелина, сыгравшего выдающуюся роль в священной войне и часто встречавшегося с Саладином. Эрнуль, несомненно, сопутствовал своему господину в достопамятной Хиттинской битве и позже при обороне Иерусалима. Рассказ Эрнуля, полный живых характеристик отдельных личностей, особенно ценен: он отражает взгляд христиан на события, которые арабские писатели описывают с мусульманской точки зрения.

Полезно упомянуть *Itinerarium Regis Ricardi* («Итинерарий короля Ричарда») – описание в прозе Третьего крестового похода, написанного на латинском языке. Несмотря на некоторые преувеличения и пристрастность, она представляет собой замечательное повествование о подвигах английского героя.

Таковы основные источники, на основании которых складывается биография Саладина. Все они относятся к свидетельствам очевидцев той далекой от нас эпохи. И даже если рассказчиками являются люди, не бывшие современниками тех далеких событий, то их отделяет от них время жизни не более чем одного поколения, и таким свидетельствам вполне можно доверять.

Довольно странно, что при наличии большого количества письменных материалов о Саладине многие из них не получили должного внимания. Было бы несправедливым не упомянуть о замечательных работах Луи-Франсуа-Клода Морена. Он родился в Провансе, где получил должность королевского цензора и был также генеральным секретарем Академий Марселя и Нанси. В 1758 г. он опубликовал в Париже в двух томах свою книгу «История Саладина, султана Египта и Сирии». Книга осталась практически неизвестной, иначе она была бы обязательно переведена. Это замечательный, в одно и то же время научный и философский труд, с которым стоит ознакомиться, а биография автора не может не вызвать восхищения. Он использовал при написании книги все хроники крестоносцев, труды Баха ад-Дина в издании Шультена, арабский манускрипт Ибн аль-Асира об атабегах. Не возникает вопроса о ценности этих материалов, но он также пользовался более поздними трудами, отчасти неравноценными по содержанию. Речь идет о знаменитом произведении французского востоковеда XVII в. Эрбело де Моленвиля под названием «Восточная библиотека, или Универсальный словарь...». Конечно, было сделано много новых открытий, и появились новые публикации с того времени, но Морен добился замечательного успеха в своей работе. Единственным его серьезным недостатком был соблазн больше читать «между строк», то есть он прибегал при описании исторических событий к «историческому воображению». Несмотря на постоянные обращения к оригинальным источникам, автор зачастую давал собственную трактовку историческим фактам, на что не следует обращать внимания. Гораздо интереснее, например, позволить себе вольность и самому писать историю, но подобное искушение необходимо подавлять, и должно проявлять уважение к букве текста.

Некоторые авторы, рассказывая об истории Месопотамии, начинают свое повествование со Всемирного потопа, полагая необходимым именно таким образом подготовить читателя к ее восприятию. Морен, к примеру, считает, что биографии Саладина следует предпослать предисловие, в котором говорилось бы о Мухаммеде и первоначальной проповеди ислама. Я не намереваюсь испытывать терпения читателей, но без краткого экскурса в историю Западной Азии XI–XII вв. будет не понятна политическая ситуация, в которой Саладин начинал свою карьеру.

Особенно важно было упомянуть достижения его великого предшественника военачальника Занги, завоевателя Эдессы, несбывшиеся честолюбивые замыслы которого подготовили почву для реализации имперских планов Саладина. Однако вводные главы подверглись сокращению, насколько это было возможно.

Автор особенно благодарен Т. А. Арчеру за возможность использовать материалы его труда «Крестовый поход Ричарда I», в частности план маршрута похода короля Ричарда I Львиное Сердце.

Часть первая

Введение

Глава 1

Мир Саладина

В 1132 г. потерпевшая поражение армия, отступая под натиском противника, вышла на левый, восточный берег реки Тигр. На противоположном, западном правом берегу, на высоком утесе стояла неприступная крепость Тикрит, защищенная со стороны суши глубоким рвом. Тайный ход, прорубленный в скале, вел из цитадели к реке. Единственной надеждой отступающих было укрыться в крепости, что зависело от решения ее коменданта. К счастью, он проявил дружеское расположение и помог беглецам переправиться через Тигр. Предоставленные им паромные суда послужили делу возвышения дома Саладина. Спасавшийся бегством полководец, обязанный своей жизнью своевременной оказанной помощи, был Имад ад-Дин Занги, могущественный атабек Мосула. Спустя годы, когда победа вновь осенила его знамена, он не забыл о своем долге перед Тикритом. Памятуя об оказанной ему поддержке, он покровительствовал коменданту во всех его взлетах и падениях. Этим комендантом был отец Саладина.

Айюб, получивший по обычаю сарацин прозвище Неджм ад-Дин, или Звезда Веры, удачливый комендант крепости в непростое время, хотя и был мусульманином и уроженцем Востока, принадлежал к великой арийской общности племен и народов. Он не был ни арабом, ни тюрком, но курдом из клана Равадийя и родился в деревне Аджданакан близ Двина в Армении. С незапамятных времен курды вели пастушеский образ жизни в горных областях, расположенных между Персией и Малой Азией. Их клановость и склонность пользоваться тем, что плохо лежит, и в то же время присущие им рыцарское представление о чести и гостеприимстве и безусловная отвага роднили их с арабами «Дней невежества» еще до утверждения ислама и шотландцами-хайлендерами до начала реформ фельдмаршала Дж. Уэйда. Курды были доблестным и воинственным народом, невосприимчивым, как правило, к цивилизации, не привыкшим подчиняться чужой воле и обладавшим многими достоинствами. Немаловажно и то, что из их среды вышел Саладин. О его более далеких предках ничего не известно. Биографы пишут, что его семья была «одной из самых известных и уважаемых в Двине», но, даже если это утверждение и верно, это чисто провинциальный взгляд. Двин, или по-арабски Дабиль, был столицей Внутренней Армении в X столетии. Это был большой, окруженный стеной город, в котором размещалась резиденция губернатора провинции. Его жители были в основном христианами, которые вели успешную торговлю одеждой из козлиной шерсти. Процветало также ковроткачество, в качестве красителя использовали кошениль, известный как кырмыз, из которого получали малиновую и карминовую краски. Евреи и христиане жили здесь в мире под властью мусульманских завоевателей, и армянские церкви стояли рядом с мечетями, где молились мусульмане.

Но Двин уже клонился к упадку, когда Шадхи, сын Марвана и дед Саладина, стал главой «видной и уважаемой» семьи. Поэтому он предпочел, чтобы его многочисленные сыновья делали карьеру в Багдаде, где при дворах халифа и султана могли быть реализованы их честолюбивые планы. Ни о жизни Шадхи, ни о его характере ничего не известно, кроме того, что он был тесно знаком с греком Бирузом, который прежде был рабом в Двине, но сумел подняться до высокого поста при дворе персидского монарха, стал наставником сельджукских правителей, а затем был назначен правителем Багдада. Шадхи обратился к старому другу, и Бируз, покровительствуя ему, сделал его сына Айюба комендантом крепости Тикрит. Возможно, вся

семья сопровождала его на новое место службы. Известно только, что Шадхи и его сын Ширкух отправились вместе с Айюбом.

И если последний оправдал доверие своего патрона, проявив мудрость и осмотрительность в своих действиях, Ширкух, неуравновешенный и страстный, разрушил благополучие семьи. Из благородных побуждений он убил обидчика близкой ему женщины, отомстив, таким образом, за оскорбление, нанесенное ей. Бируз уже и так был крайне недоволен тем, что Занги, которого он не любил, было предоставлено убежище, и он был не намерен оставить без последствий преступление Ширкуха. Братьев попросили искать себе другое место службы. Они покинули Тикрит с тяжелым сердцем и посчитали зловещим знамением тот факт, что в ночь их изгнания из крепости у Айюба родился сын. Невозможно было представить худшее предзнаменование, ибо младенец, чьи крики беспокоили собиравшихся в путь людей в ту ночь в крепости Тикрит в лето Господне 1138-е, был Юсуф, известный впоследствии на Востоке и Западе под почетным прозвищем Благочестие Веры, Салах ад-Дин. (В мусульманском летоисчислении это был 532 г., и он находится во временном интервале между 19 сентября 1137 г. и 8 сентября 1138 г. Месяц, в который родился Саладин, неизвестен, и поэтому годом его рождения вполне может быть 1137 г.)

Прежде чем рассказать, куда Айюб увез своего малыша Юсуфа и что выпало на их долю, мы должны кратко обрисовать политическую обстановку, в которой будущий вождь сарацин начинал свою карьеру. Восточный мир в то время сильно отличался от старой империи Халифата. Значительные перемены произошли уже при жизни отца Саладина. Религиозный пыл, который вначале вел армии ислама, продвижение которых было подобно стремительно распространяющемуся огненному палу в степях, от древних арабских земель в Аравии до пустынь Синда (ныне на юге Пакистана) на Востоке (на северо-востоке арабы захватили Среднюю Азию, закрепив завоевания победой над китайцами на р. Талас в 751 г.) и до берегов Атлантического океана на Западе (захватив к 718 г. Испанию и земли на юге современной Франции, но были разбиты в 732 г. при Пуатье франками), не смог сохранить единство обширной империи, сложившейся так удивительно внезапно. Халифат просуществовал более шести столетий, но первоначальная территория империи сохранялась без изменений ее границ едва ли в течение трети этого времени. В VII в. воины наследников арабского пророка Мухаммеда захватили Египет, Сирию, Персию (Иран) и даже области за рекой Окс (Амударья). В начале VIII в. они захватили Испанию. Подобную империю, населенную соперничавшими друг с другом племенами и народами и занимавшую обширные провинции, было невозможно долго удерживать в подчинении центральным властям, которые отдавали распоряжения из Дамаска и Багдада. Правитель любой провинции в мусульманской системе управления легко мог обрести еще большую независимость, чем проконсул Древнего Рима. Сама идея Халифата имела как религиозный, так и административный характер; она побуждала местных правителей брать на себя властные функции, отдавая при этом дань уважения духовному вождю. Религиозные схизмы в исламе, особенно странная и фанатическая преданность имаму Али, последователи которого подвергались преследованиям, также привели к распаду государства.

Уже в IX в. власть в окраинных областях мусульманской империи находилась в руках правителей, которые или отвергали власть халифа Аббасидов в Багдаде, или, по меньшей мере, отдавали ему, как возглавителю верных, лишь внешние почести. Законы халифа даже во дни «доброты Харун ар-Рашида» не исполнялись в Испании и Марокко на западе Халифата, а в Тунисе к ним относились не более чем с определенной долей уважения. Египет, с одной стороны, и Северо-Восточный Иран, с другой, вскоре также последовали примеру западных окраин Халифата, и в середине X в. власть халифа едва ли распространялась за стены его дворца, в котором он был серьезно ограничен в своих правах охраной, состоявшей из наемников, которых он неосмотрительно пригласил для своей защиты. Это состояние полного бессилия продолжалось с небольшими изменениями вплоть до завоевания столицы Багдадского

халифата монголами в 1258 г. Время от времени, благодаря слабости соседей или твердой личной власти какого-либо халифа, Аббасиды восстанавливали частично на краткий период свое владычество в долине Тигра и Евфрата. Но даже тогда, когда у халифа была многочисленная армия и он имел больше владений, чем его предшественник, его власть ограничивалась небольшой территорией Месопотамии и его влияние, за исключением его роли верховного главы ислама, было совершенно незначительным в политическом мире Саладина.

Этот политический мир был ограничен рекой Тигр на востоке и Ливийской пустыней на западе. На протяжении полутора веков, прежде чем Саладин начал вмешиваться в дела государства, Египтом управляли фатимидские халифы, схизматическая (шиитская) династия, заявлявшая о своем духовном владычестве, основанном на факте происхождения от Али, племянника пророка Мухаммеда, которая не признавала халифат Аббасидов в Багдаде. В еще большей степени влияла на политику крестоносцев ситуация в Сирии и Месопотамии. Все эти области, от гор Курдистана до Ливана, населяли, что и Аравию, схожие народности с одними и теми же политическими устремлениями. Многие арабские племена с древнейших времен поселились в плодородных долинах Месопотамии, где их наименования сохранились в названиях мест. Племя бедави откочевывало каждый год из Аравии на пастбища близ Евфрата. И многие кланы так и осели во всех областях Сирии. Упадок Халифата дал толчок к образованию арабских государств на территориях, населенных преимущественно арабскими племенами, которые господствовали в X–XI вв. на большей части Сирии и Месопотамии, но к XII в. это закончилось. Арабы остались на своих привычных местах и разбили шатры по всей стране, вплоть до долин верховьев рек в местности Диярбакыр. Они живут там и в наши дни, но уже не как правители тех земель, где они пасли свои стада. Арабское господство в этих областях закончилось навсегда, и началось владычество турок.

В XI в. в пределы Ирана, Месопотамии и Сирии вторглись турки. Их вели потомки Сельджука, вождя туркмен, живших в степях западнее реки Окс (Амударья). В результате нескольких стремительно проходивших кампаний они захватили большую часть Ирана. Затем их войско увеличилось за счет прибывавших из Средней Азии племен турок, и вся Западная Азия, от границ Афганистана до границ Ромейской державы (Восточной Римской империи, названной позднее западноевропейскими историками Византийской) и Египта, была постепенно объединена под властью Сельджукидов. Персы (иранцы), арабы и курды сдались под мощным напором завоевателей. Но как бы ни были велики их владения, вторжение сельджуков имеет большее значение, чем проявление чисто территориальной экспансии. Их приход знаменовал наступление новой эпохи в истории мусульман, это было возрождение мусульманской веры.

В своей книге «Мусульманские династии», вышедшей в 1894 г., я писал: «В момент их появления империя Халифата исчезла. То, что вначале было государством, объединенным под властью одного мусульманского правителя, теперь стало собранием областей под управлением различных династий, ни одна из которых, за исключением, возможно, Фатимидов Египта (а они были схизматиками), не была способна создать империю. Широкое распространение схизмы [шиизма] способствовало обособлению различных провинций исчезнувшей империи. Требовалось действенное средство, и таковым стало вторжение турок. Эти дикие кочевники, не испорченные городским образом жизни и отличавшиеся прежде безразличным отношением к религии, восприняли ислам со всей горячностью их непросвещенной природы. Они пришли спасти умирающее государство и возродили его. Их отряды шли через Персию [Иран], Месопотамию, Сирию и Малую Азию, опустошая страны и уничтожая каждую правившую там династию. В итоге турки-сельджуки вновь объединили мусульманскую Азию от западной границы Афганистана вплоть до Средиземноморья под властью одного суверена. Они вдохнули новую жизнь в охладевших к вере мусульман, отразили вновь перешедших в наступление византийцев и воспитали поколение фанатично преданных исламу воинов, которые нанесли не одно поражение крестоносцам».

Мелик-шах, самый благородный из сельджукских султанов (1072–1092), был одним из тех правителей, чьи идеи повлияли на эпоху, в которую они жили. Служить ему и быть его придворным было не только привилегией и большой честью. Находясь на службе султана, каждый придворный формировался как личность одновременно с правителем. Люди учились отстаивать свои принципы. Складывался образ поведения своего времени под влиянием образа жизни правителя. Один арабский историк писал, что каждый высший чиновник и губернатор пользовался уважением только в той мере, насколько он соответствовал примеру, подаваемому султаном. Принятая норма поведения не позволяла заподозрить правителя, что он недолжным образом выполнял свои обязанности. В первую очередь Мелик-шах стремился править справедливо. Все его усилия были направлены на достижение процветания своего народа. Мосты, каналы и караван-сарай были свидетельством его политики поощрения торговли и намерения установить прочные связи между областями в пределах государства. Дороги стали безопасными; как говорили, пара путешественников могла без охраны добраться из Мерва (ныне Мары в Туркмении) в Дамаск (в Сирии). Мелик-шах, великодушный и отважный, справедливый и честный, следовал в своей жизни идеалу мусульманского правителя; и его пример глубоко повлиял на умы его последователей.

Великий по своим нравственным качествам и мудрости в управлении, Мелик-шах во многом был обязан своими успехами еще более умному человеку, занимавшему в государстве самый высокий пост визиря. Низам аль-Мульк принадлежит к великим государственным деятелям в истории. Его мусульманские почитатели с подобострастием говорят о его духовных добродетелях и с восхищением рассказывают о том, как он выучил наизусть весь Коран в 12 лет. Но высшее свидетельство его способностей – процветание и прогресс великой империи на протяжении почти трети века, достигнутые благодаря его трудам. Его умение вести дела соединялось с глубоким знанием юриспруденции и поддержкой образования и науки. Именно Низам аль-Мульк вдохновил Омара Хайяма на астрономические исследования, о чем менее известно сегодня, но что было не менее важным, чем сочиненные им «Четверостишия». Именно он основал несколько медресе Низамия в Багдаде. И наиболее важное, по просьбе Мелик-шаха им была написана «Книга о правлении» (опубликована М. Шефером под названием «Сиясет-наме» в 1893 г. в Париже). Султан принял ее в качестве свода законов; как идеальную концепцию государства, в которой воплощено непререкаемое учение о Божественном Праве. Суверен, несомненно, имеет помазание от Бога. Но доктрина также говорит об ответственности правителя перед Богом в отношении своих подданных, которые вверены его попечению. «Кому много дано, с того много и спросится» – вот основной принцип визиря. Он помнил о словах великого Учителя, и его идеал монарха близок к совершенству. Давая определение характеру правителя, он вспоминает отрывок из старой персидской притчи: «Он должен подавлять в себе ненависть, зависть, гордость, гнев, похоть, жадность, пустые надежды, несговорчивость, ложь, алчность, злобу, насилие, эгоизм, вспыльчивость, неблагодарность и легкомыслие. Ему должны быть присущи скромность, уравновешенность, благородство, милосердие, смирение, щедрость, стойкость, терпение, благодарность, жалость, любовь к знаниям и справедливость». Одно веское суждение, как утверждает, больше поможет правителю, чем могучее войско. Его предупреждают о том, что он не должен поощрять фаворитизм и раздавать незаслуженные награды, что ему следует воздерживаться от чрезмерного употребления вина и от не подобающего правителю легкомыслия; но ему советуют строго соблюдать пост, молиться, раздавать милостыню и выполнять все религиозные предписания. В любых обстоятельствах он обязан «придерживаться срединного пути», ведь и сам пророк ислама Мухаммед, неосознанно цитируя Аристотеля, говорил, что во всем нужно выбирать «среднее».

Самое удивительное в системе управления, которую предложил Низам аль-Мульк, и на чем он постоянно настаивал, это неукоснительное исполнение сувереном своего долга перед подданными и частое проведение инспекций для своевременного обнаружения и наказания

чиновников-коррупционеров. Дважды в неделю султан был обязан устраивать общественный прием, когда каждый, пусть и самый простой и неизвестный проситель, мог прийти, рассказать о своих жалобах и потребовать справедливого суда. Султан должен был лично внимательно выслушать просителя без какого-либо посредника и решить спорный вопрос на основе равных для всех прав. Рекомендовались различные меры для того, чтобы обеспечить свободный доступ подданного к правителю. Приводился пример некоего персидского суверена, который проводил прием на равнине, восседая на коне, так, чтобы все могли приблизиться к нему. При этом убирались все «ворота, ограждения, прихожие, переходы, занавеси и завистливые дворецкие». Другой правитель заставлял всех просителей одеваться в красные одежды, чтобы он мог легко различить их и пригласить для личной аудиенции. Получил всеобщее одобрение пример правителя из династии Саманидов (Саманидское государство образовалось в Средней Азии после распада Халифата и существовало в 875–999 гг., столица – Бухара). Он напрасно просидел всю ночь под густым снегопадом в середине большой площади Бухары на случай, если какой-нибудь обиженный подданный, которого прогнали дворецкие, придет встретиться с ним.

Необходимо было прилагать особые усилия, чтобы не допустить ненадлежащего управления со стороны губернаторов провинций. «Когда чиновник получает должность, от него ожидают благожелательности к Божьим созданиям. Он не должен требовать от них большего, чем предписано законом, и поступать с предупредительностью и рассуждением. Никогда не должно требовать уплаты налогов ранее назначенного срока, иначе люди, под давлением обстоятельств, будут принуждены продавать свои товары за полцены, разорятся и разойдутся в разные стороны». Рекомендовалось регулярно инспектировать сборщиков налогов и других чиновников, а за нарушения жестоко карать. «Соглядатаи, переодетые купцами, дервишами и прочими, должны постоянно разъезжать по дорогам различных провинций и посылать сообщения о том, что они слышат и видят, чтобы ничто не ускользнуло от их внимания». Другой предупредительной мерой было заменять всех сборщиков налогов и агентов каждые два или три года, чтобы они не укоренялись на одном месте и не использовали занимаемую ими должность в корыстных целях. Также предлагалось назначать для контроля над всей империей инспекторов высокого ранга, бывших вне подозрений, которые получали бы содержание из казны, а не получали его за счет местных налогов. «В таком случае выгода от их честности сторицей восполнит оплату их труда». Отлаженная и быстро функционирующая сеть курьерской почты поддерживала действенные связи между инспекторами и центральным правительством. Наконец, правильное поведение крупных вассалов гарантировалось заложниками, которых они посылали ко двору правителя и которых отпускали каждый год, и там постоянно содержалось не менее пятисот заложников.

Эти меры, принимаемые для нормального функционирования административных органов, и частые инспекции были тем более необходимы основанной на военной организации империи, правящая верхушка которой была иноземного происхождения. Власть Сельджукидов держалась на войске, в котором, по большей части, воины были наемниками, а командирами были рабы из дома правителя. Свободным людям высшее командование не доверяли, если только речь не шла о какой-либо дальней провинции. От персов и арабов на службе не ожидали, как правило, лояльности их турецким завоевателям. Было безопаснее полагаться на рабов, воспитанных при дворе, которые были лично преданы сельджукским правителям. Эти белые рабы или мамлюки¹, уроженцы страны кипчаков и Центральной Азии, составляли личную охрану султана, занимали основные должности при дворе и в армии. Шаг за шагом, поднимаясь вверх по служебной лестнице, в зависимости от своих личных достоинств и милостей

¹ Мамлюки набирались из молодых невольников преимущественно тюркского и кавказского происхождения, были среди них и славяне и др. (Здесь и далее примеч. ред.)

правителя, они в итоге получали свободу и власть. Они получали в награду крепости, города и даже провинции. При этом мамлюки обязывались нести военную службу султану. Вся империя была организована на этой феодальной основе, которая, казалось, была привычной для турок и которая была унаследована от сельджуков и введена Саладином в Египте. Там она просуществовала при мамлюках султана столетия. Большая часть Персии (Ирана), Месопотамии и Сирии была поделена на военные области, во главе которых стояли сельджукские командиры, бывшие рабы, телохранители-мамлюки. Они владели ими согласно жалованной грамоте султана, который мог отозвать ее, и жили за счет налогов, собираемых ими. При этом они обязывались выполнять одно условие – поставлять воинов султану по его требованию.

Крупные феодалы, в свою очередь, передавали более мелкие фьефы своим вассалам, которые обязаны были предоставлять воинов своему сеньору, когда ему требовалась поддержка. Мы читали о примитивном методе извещения: когда необходимо было начать призыв в войско, стрелу выпускали из лука в одном лагере и она падала в другом, третьем и так далее; стрела летела от деревни к деревне и выполняла, таким образом, роль сигнала для сбора. После завершения кампании войско феодала распускалось и возвращалось домой. Так всегда поступали и во время зимы, но воины были обязаны снова стать под знамена феодала весной. В перерыве между призывами командующий должен был находить общий язык со своим ближайшим окружением, своей личной гвардией и теми наемниками, которых можно было уговорить остаться в полевом лагере. Саладин, как мы увидим, неизменно сохранял этот обычай. Когда вассалы находились на своей земле, им было позволено собирать только предусмотренные законом налоги, составлявшие приблизительно десятую часть всей производимой продукции, и им строго предписывалось не угнетать народ и захватывать их собственность. «Земля и все жители на ней принадлежат султану, – писал великий визирь, – и феодалы и губернаторы поставлены только для того, чтобы их защищать». Вне всякого сомнения, до тех пор, пока существовала Сельджукская империя, всемогущие шпионы держали в страхе мздоимцев. Но когда верховная власть исчезла во время смуты, которая предшествовала установлению твердого порядка при Нур ад-Дине и Саладине, вместо «покровительства» пришло время бедствий. Нам постоянно встречаются в литературе сообщения о феодалах и эмирах, которые, поддержанные своими сторонниками, встали на тропу войны. Зачастую на разбитых дорогах Месопотамии происходили короткие стычки соперничавших отрядов, заканчивавшиеся победой одной из сторон, затем следовала жестокая расправа и раздел награбленной добычи. Жизнь пастуха, земледельца и купца, должно быть, была бурной и довольно опасной в условиях, когда феодалы-соседи постоянно выясняли свои отношения, а справедливые заветы Мелик-шаха и его мудрого визиря просто забывались в пылу борьбы.

Арабский хронист, склонный больше описывать военные подвиги, никогда не забывал написать и о положении мирных жителей. Стоит заметить, что, указывая на добродетели важного сеньора, он особенно подчеркивает его справедливое и сострадательное отношение к своим подданным. С восхищением Ибн аль-Асир упоминает в «Атабегах» о правителе Мосула Ак-Сонкуре (Белый Сокол). Он называет его «мудрым правителем и защитником своего народа». Справедливость была характерной чертой всего периода его правления. Товары на рынках были дешевы, дороги абсолютно безопасны, повсюду царил порядок. Его принципом было заставить отвечать за преступления ту область, в которой оно произошло: если на караван напали грабители, то ближайшая деревня должна была возместить убытки купца, так что все население исполняло функцию полицейского, оказывая покровительство путешественникам. Имеются свидетельства, что этот добрый правитель ни разу не нарушил своего слова, и то же самое можно сказать и о многих других мусульманах, в отличие от вождя христиан эпохи крестовых походов. Пример справедливого и добродетельного вождя вызывает среди его слуг желание подражать ему, и несложно во многих случаях проследить последствия такого влияния. Крупный феодал старался окружить себя преданными слугами и вассалами,

которые могли поддержать его на войне, помочь расширить границы владений и проводить его политику при управлении своими поместьями. От их преданности зависело процветание его семьи. Когда феодал умирал, его вассалы и мамлюки объединялись вокруг его наследника, помогали вступить во владение фьефом и оказывали ему поддержку. Ни один слабый правитель не имел шанса остаться у власти в это бурное время. Он должен был быть сильным на войне и непреклонным в условиях мира. Зачастую случалось, что эмир не мог удовлетворить требования или гарантировать преданность своего окружения, которые передавали властные функции более популярному властителю.

Несмотря на то что призванием многих властителей империи была только война и они отличались свирепым нравом, ничто так не привлекает в цивилизации Сельджукидов, как то огромное значение, которое они придавали образованию и науке. Несмотря на то что училища существовали в мусульманских странах и прежде, следует признать, что сельджуки в XI–XII вв., прежде всего благодаря влиянию Низама аль-Мулька, улучшили и подняли уровень образования на Востоке на более высокую ступень. Известные медресе Низамия в Багдаде, основанные самим визирем, стали тем средоточием научной деятельности, откуда жажда познания мира распространилась на Персию (Иран), Сирию и Египет. Подобным центром высокого знания стал Университет Азхар (аль-Азхар) в Каире. Среди сельджукских правителей основание нового училища становилось столь же благочестивым поступком, как и возведение мечети или отвоевание города у «неверных». Подобно им могущественные феодалы и представители многочисленных династий, возникших, когда власть Сельджукидов клонилась к закату, обращали особое внимание на вопросы образования, и ко времени Саладина центрами науки и образования стали Дамаск, Алеппо, Баальбек, Хомс, Мосул, Багдад, Каир и другие города. Преподаватели переходили из училища в училище, совсем как наши средневековые ученые странствовали из одного университета в другой. Многие из этих образованных людей и государственных министров (часто они совмещались в одном лице) были потомками тех придворных, что служили сельджукским султанам. Атабек Мосула Занги, несмотря на всю свою энергию и военный талант, вряд ли удержал бы бразды правления своей обширной империи, если бы не помощь его визиря и правой руки Джамала ад-Дина, прозванного аль-Джавад, Щедрый, дед которого устраивал бега леопардов при дворе султана Мелик-шаха. Он удачно руководил работой нескольких правительственных кабинетов, и настолько притягательными были его манеры и искусство вести беседу, что Занги приблизил его к себе и дал ему должность генерального инспектора своего княжества и председателя дивана (государственного совета). Его содержание равнялось десятой части всех возвращенных плодов земли, и он тратил его неограниченно на дела благотворительности: щедро жертвовал на нужды паломников в Мекке и Медине, строил акведуки и мечети, содержал ушедших на покой людей. Когда Занги умер, «воздух потрясли рыдания сокрушенных горем» вдов и сирот и бесчисленных бедняков, считавших его своим благодетелем.

Ряды образованных и ученых людей пополнялись из всех частей мусульманского мира. Профессоров из Нишапура с удовольствием слушали в аудиториях Дамаска. Персидские мистики, такие как ас-Сухраварди, встречались с традиционалистами, такими как Ибн Асакир, чьи похороны в 1176 г. посетил сам Саладин. В том же году в Каир приезжает иностранец из Хативы в далекой Андалусии, привлеченный слухами о возрождении там научного знания. Это был Ибн Фирро, сочинивший большую поэму из 1173 стихов на основе хадисов Корана «ради вящей славы Аллаха». Этот кладезь знаний скромно признался, что его память отягощена таким количеством знаний, что под их тяжестью падет верблюд. Тем не менее, когда пришло время выступить перед переполненным слушателями залом, от него так и не услышали ни одного достойного слова. Неудивительно, что кади (духовное лицо, несущее обязанности судьи) аль-Фадиль, правитель Египта при Саладине, дал ему приют в своем доме и похоронил его в своем личном мавзолее. Присутствие таких философов, обладавших холодной мудро-

стью, смягчало порывистый и горячий нрав вождей. Многие из великих воителей этого века находили отдохновение в обществе людей культуры. И хотя победоносный атабек мог воскликнуть, что «звон мечей милее ему музыки сладкоголосых певцов, и встретиться с достойным врагом – большее удовольствие, чем игры с женщиной», все же ему нравилось общаться с мудрым советником аль-Джавадом. Его наследник Нур ад-Дин был предан обществу ученых мужей, поэты и писатели собирались при его дворе, в то время как Саладин находил особое удовольствие в разговорах с известными богословами и важными юристами. Самый кровожадный феодал не мог обойтись без поэта и историка. Ту же картину можно было наблюдать и спустя столетия в эпоху мамлюкских султанов Египта. Какими бы варварами и дикарями они ни выглядели, склонные к кровавым преступлениям и предательству, они любили искусство, поощряли развитие изящной словесности и украсили Каир памятниками изысканной архитектуры. Дело представляется таким образом, что на Востоке насилие может всегда идти рука об руку с культурой и хорошим вкусом, и не один мрачный Саул находил отдохновение после своих подвигов в музыке и пении.

Эпоха сельджуков имела далеко идущие последствия, но сама династия просуществовала недолго. Меньше чем за полвека после того, как они пришли в Персию (Иран) завоевателями, большое государство, которое они вознамерились создать и сохранить, раскололось на части. Три сельджукских правителя самодержавно властвовали один за другим, не опасаясь соперничества и мятежа; но когда в 1092 г. умер Мелик-шах, разразилась междоусобная война между его сыновьями и состоялся раздел империи. Одни Сельджукиды продолжали царствовать в Нишапуре, Исфахане и Кермане; другие – в Дамаске и Алеппо, и третьи – в Анатолии (Малой Азии). Но они стали отдельными частями некогда единого мощного целого и не могли больше сопротивляться напору сил, стремившихся разрушить господство Сельджуков извне и изнутри. Их падение стало неизбежным следствием их феодальной организации; они были подорваны собственными петардами. Рабы, которых они завозили ради своей защиты, их же и погубили, и большие фьефы, созданные для защиты империи, как оказалось, стали главным источником опасности. Основной дефект европейского феодализма присутствовал также и в системе, организованной Сельджукидами. Раб был обязан работать на господина, вассал был в подчинении у своего сеньора. Но их преданность и обязанность работать не распространялась на иного господина. Если какой-либо вассал считал, что у него достаточно сил выступить против своего сеньора, то, в свою очередь, его вассалы, его слуги и рабы следовали за ним. Они не были обязаны своей службой сеньору. Вассал также не приносил присягу своему сеньору, аналогичную той, что приносилась суверену. Иногда у вассала просыпалось чувство лояльности, которое заставляло его оставить взбунтовавшегося сеньора и перейти на сторону короля. По мере того, как власть суверена слабела, это чувство уже больше не возникало, и крупные феодалы были в состоянии создать свое собственное независимое государство со своими вассалами. Когда империя распадалась, воевавшие полководцы становились независимыми правителями. Мамлюки, одерживавшие победы в интересах своих правителей, становились регентами или губернаторами (атабеками), и делегированные им права они меняли на полноценные права правителя, становясь наследственными властителями.

В XII в. большая часть Сельджукской империи оказалась под управлением мамлюков, которые преобразовали свои фьефы в независимые государства. В Иране и за рекой Окс (Амударья) основателем могучих династий становился кравчий и мажордом. И рабы этих рабов образовали небольшие княжества на границах владений их господина. Таким образом, раб становился распорядителем наследия своего господина и после его смерти получал верховную власть в Дамаске. Так, Занги, основатель династии атабеков Мосула, был сыном раба Мелик-шаха. Ортукиды и другие местные династии Месопотамии имели схожее происхождение. Однако вести свою родословную от раба не считалось зазорным. На Востоке отношение к рабу было зачастую лучше, чем к сыну, а быть рабом Мелик-шаха давало право на особое ува-

жение. Крупные вассалы-рабы Сельджукидов пользовались уважением и почетом, как и любой бастард средневековой аристократии. Когда они наследовали верховную власть, то передавали своим потомкам традиции своих бывших господ. Атабеки Сирии и Месопотамии вели цивилизационную работу, начатую мудрым визирем Мелик-шаха (Низамом аль-Мульком). Внутренние распри помешали ей продолжаться и дальше, но основное препятствие для нее в XII в. представляли крестоносцы.

Глава 2

Первый крестовый поход 1096—1099

Мелик-шах, великий сельджукский султан, скончался в 1092 г., и между его сыновьями вспыхнула борьба за власть. Спустя четыре года, в 1096 г., начался Первый крестовый поход на Восток. Крестоносцами были взяты Эдесса (в 1097), Антиохия (в 1098) и много других крепостей. В 1099 г. христиане штурмом захватили Иерусалим. На протяжении нескольких следующих лет крестоносцы овладели большей частью Палестины и побережьем Сирии, городами Тортоса (1102), Акра (1104), Триполи (1109) и Сидон (1110), а взятие Тира в 1124 г. знаменовало пик их могущества. Этот быстрый триумф имел причиной отчасти физическое превосходство и личное мужество людей Севера, но в основном это было следствием отсутствия организованного сопротивления. Низам аль-Мульк умер раньше своего господина, и не оказалось знающего государственного мужа, способного примирить наследников султана Мелик-шаха. В то время как сельджуки правители спорили за корону в братоубийственной войне, крупные вассалы, хотя и близкие к независимости, еще не осознали своей силы. Все боролись за осколки разбившейся диадемы, каждый завидовал своему соседу, но ни один из них не осмеливался стать лидером. Основатели династий вступили в борьбу, но сами династии еще не успели сложиться. Сельджукиды все еще властвовали в Месопотамии и Северной Сирии, и многочисленные муниципалитеты городов и коменданты крепостей только начинали осознавать, что власть Сельджукидов всего лишь тень славного прошлого и что господство вполне может перейти к наиболее сильным из них.

Это было время колебаний и неопределенности, все с глубоким удивлением наблюдали предсмертные конвульсии умиравшей империи. Наступило междуцарствие, полное хаоса, обещавшее длиться до тех пор, пока новые силы не обретут свою дееспособность. Короче говоря, настал самый подходящий момент для вторжения из Европы. Поколением раньше власть Сельджукидов казалась несокрушимой. Поколением позже Занги и Нур ад-Дин, утвердившись в тех областях Сирии, где ранее господствовали Сельджукиды, вполне могли сбросить захватчиков в море. Звезда удачи вела молитвенников Первого крестового похода, они были готовы воспользоваться представившейся возможностью, значение которой они едва ли понимали. Петр Отшельник и папа римский Урбан II выбрали благоприятный момент с удивительной проницательностью и безошибочностью решения, как будто они глубоко изучили азиатскую политику.

Крестоносцы вошли подобно клину в старое дерево мусульманской империи, расколов ее ствол на части.

За семь лет до рождения Саладина, когда Фульк Анжуйский в 1131 г. взшел на трон в Иерусалиме, Латинское королевство все еще было в расцвете своих сил. Сирия и Верхняя Месопотамия лежали у ног крестоносцев, которые почти ежедневно совершали набеги от Мардина и Диярбакыра до Эль-Ариша и «ручья Египта». Однако в действительности страна не была окончательно покорена. Крестоносцы удовлетворились ее частичной оккупацией, и в то время, как они владели прибрежными землями и многими крепостями во внутренней части страны, вплоть до Иордана и Ливана, они не собирались полностью завоевывать страну. Крупные города Алеппо, Дамаск, Хама, Хомс были в руках мусульман, и крестоносцы их так и не захватили. Единственный большой город, который крестоносцы удерживали во внутренней области страны кроме Иерусалима, была Эдесса, да и ее они уже должны были в скором времени потерять. Латинское королевство представляло собой ряд княжеств, графств, баронств и фьефов; это не было системным завоеванием, а только временной оккупацией, притом крайне неэффективной. В момент его наивысшего могущества господство «франков» распространя-

лось на территорию протяженностью свыше 800 км с севера на юг и до 80 км, немногим больше или меньше, в ширину. На севере графство Эдесса (Урфа) простиралось от границ Диярбакыра (отчасти выходя за них) до места немного севернее Алеппо и включало в себя такие важные фьефы, как Сарудж, Талль-Башир (Турбессель), Самосата и Айн-Таб (Антеп). К западу и югу от графства Эдесса располагалось Антиохийское княжество, в которое одно время входили Тарс и Адана в Киликии; его земли тянулись от реки Пирам (Джейхан) вдоль морского побережья до Маргата (Маркаба) и немного севернее, а со стороны суши его территория подходила к мусульманским городам Алеппо и Хама. Среди его фьефов были Аль-Атариб (Джереп), Маарра, Апамея с портом Лаодикея. К югу от княжества Антиохия находилось графство Триполи, представлявшее собой узкую полосу земли между Ливаном и побережьем Средиземного моря, с городами Маргат (Маркаб), Торгоса (Антарсус), Триполи, Джубайль и замком Крак-де-Шевалье. Сеньором всех этих государств был король Иерусалима; королевский домен протягивался от Бейрута и далее через Сидон, Тир, Акру, Кесарию, Арсуф, Яффу вплоть до крепости Аскалон на границе с Египтом. На востоке его граница проходила по долине реки Иордан и Мертвому морю. В состав королевских земель входили: графство Яффа и Аскалон (крепости Ибелин, Бланшгард и Мирабель и города Газа, Лидда и Рамла); Эль-Карак (Крак) и Шаубак (Монреаль), две отдаленные крепости по ту сторону Мертвого моря, контролировавшие караванный путь из Дамаска в Египет; княжество Галилея, включая Тиверию, Сафад, Каукаб (Бельвуар) и другие твердыни; синьория Сидон; более мелкие фьефы Торон, Бейсан (Бетшеан), Наблус и др. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять, что все эти христианские владения находились на расстоянии одного дневного перехода или, самое большее, двух дней пути от любого мусульманского города либо крепости с гарнизоном, из которых местные жители могли совершать набеги в отместку за вторжение франков. Автобиография одного из престарелых современников Саладина арабского писателя Усамы дает нам примеры постоянной партизанской войны, сменявшейся краткими периодами относительного мира и спокойствия. Самые первые поселенцы Первого крестового похода имели несомненное намерение установить дружеские связи со своими мусульманскими соседями. Большинство земледельцев на христианских территориях были, конечно, мусульманами, и постоянное взаимодействие европейцев с ними, общественные связи и связи личного интимного характера имели тенденцию нивелировать имевшиеся различия и подчеркнуть общность интересов и добродетелей. В наше время редко бывает так, чтобы третье поколение европейской семьи, проживающей на Востоке, не приобрело, в той или иной степени, типичных восточных черт. Первые крестоносцы после 30 лет пребывания в Сирии становились очень похожими по характеру и привычкам на тех людей, которых они частично завоевали, среди которых они жили и чьих дочерей они не считали зазорным брать себе в жены. Постепенно они превращались в левантинцев. Их называли пулланы (Pullani).

Мусульмане, со своей стороны, едва ли были менее терпимы, но вряд ли могли одобрить брак с «политеистами», как они называли христиан. Однако были готовы работать на них и брать за это деньги. Многие мусульманские правители находили для себя приемлемым заключать союзы с франками, даже направленные против своих мусульманских соседей.

Это интересное сближение между двумя соперничавшими народами высоко оценивал в своих замечательных мемуарах 90-летний Усама ибн Мункыз, выходец из семьи правителей княжества Шейзар. Усама был свидетелем многих исторических событий, и ему в жизни сопутствовала удача. Он родился в 1095 г., за три года до взятия Антиохии, которое дало франкам *point d'appui* (точку опоры) для завоевания Иерусалима. И он умер в 1188 г., когда Святой город только что был отвоеван Саладином. Он наблюдал, как поднималась волна крестового движения, как прилив достиг максимальной точки, а затем наступил отлив. В прожитые им долгие 93 года уместилась вся история Латинского королевства Иерусалима, и в них отсутствовал только поход Ричарда I Львиное Сердце. Семья Мункизидов, благородного происхож-

дения, владела крепостью Шейзар, руины которой и сегодня возвышаются над Оронтом. Мощная крепость располагалась на крутом утесе хребта Ансария, к которому вела только выючная тропа, пересекавшая реку. Тропа упиралась в реку, а на другом берегу она появлялась вновь и ныряла в тоннель, пробитый в скале, а затем шла по дощатому мосту. Крепость располагалась в непосредственной близости от христианских гарнизонов, на полпути между городами крестоносцев Антиохия и Триполи, подвергаясь опасности набегов разных отрядов, которых можно было видеть из крепостных бойниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.